Здѣсь попутно возникаетъ еще другой вопросъ. Конечно, человѣчество принимается, говоря въ общемъ, за задачи только разрѣшимыя; но сознательному-то меньшинству приходится упреждать эти стремленія къ разрѣшенію. Ибо, разъ дѣло идетъ о рѣшеніи назрѣвающаго вопроса, въ современномъ обществѣ это рѣшеніе осуществляется не иначе, какъ путемъ дружнаго возстанія новыхъ элементовъ и интересовъ, растущихъ въ нѣдрахъ стараго общества. Въ какой моментъ слѣдуетъ приступить къ революціонному упрощенію даннаго управленія, это вопросъ, на который нельзя отвѣтить, не приступая фактически къ рѣшенію задачи, не пробуя вступать въ организованную борьбу съ отживающимъ строемъ. И мы, дѣйствительно, знаемъ, что Марксъ въ практической жизни никогда отрицательно не относился къ революціонной, самой повидимому рискованной борьбѣ, если ему только казалось, что она идетъ въ направленіи необходимаго историческаго развитія. Въ этомъ отношеніи страница его отношеній къ славной памяти Исполнительному Комитету Народной Воли глубоко поучительна.

Мы сказали, что развитіе рабочаго класса само должно внести поправки въ теорію «экономическаго матеріализма». Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ раздались впервые слова марксовскаго ученія, въ положеніи пролетаріевъ произошелъ немалый поворотъ къ болѣе человѣческому существованію. Несомнѣнно, что фабричное законодательство, боевыя операціи рабочаго класса противъ буржуазіи на почвѣ стачекъ, ростъ кооперативныхъ и прочихъ организацій среди пролетаріевъ облегчили непосредственную тяжесть нищеты и чрезмѣрной работы, висѣвшихъ на плечахъ трудящейся массы. Рабочій въ общемъ менѣе подавленъ трудомъ, получаетъ большую заработную плату, имѣетъ болѣе досуга для развитія и удовлетворенія высшихъ потребностей. Съ другой стороны, это улучшеніе въ положеніи идетъ рука объ руку съ возрастающею непрочностью этого улучшившагося положенія, съ возрастающимъ чувствомъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, мучительнаго опасенія за завтрашнюю судьбу своихъ близкихъ и самого себя. Развитіе капитализма втянуло теперь въ международный процессъ производства такую массу прежде самостоятельныхъ ремесленниковъ и вообще собственниковъ, связало ихъ такими узами всемогущей зависимости, что столь ярко отмѣченный уже Лассалемъ фактъ всемірной экономической отвѣтственности человѣка за чужіе грѣхи сталъ повседневнымъ явленіемъ. И вотъ въ то самое время, какъ рабочій классъ непосредственно улучшилъ свой бытъ, поднялъ уровень своихъ требованій, все шире и шире смотритъ на вещи, его сознаніе все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе проникается мыслію о непрочности положенія и окрашивается все большею и большею тенденціею зажить, наконецъ, вполнѣ по-человѣчески и положить конецъ этому мучительному опасенію за завтрашній день.

Съ другой стороны, практика политической, муниципальной, кооперативной дѣятельности выдвинула въ средѣ пролетаріевъ такую массу талантовъ, теоретическихъ и жизненныхъ умовъ, выдающихся администраторовъ, организаторовъ, ораторовъ и т. п., что сама буржуазія крайне поражена этимъ наплывомъ свѣжихъ, превосходящихъ ее силою и энергіею умовъ. Все это показываетъ, что рабочій перестаетъ быть обитателемъ соціальной Сахары и что въ его идеалѣ человѣческой жизни чисто матеріальныя потребности начинаютъ терять свою исключительную напряженность, тогда какъ высшія стремленія бьютъ великолѣпнымъ ключомъ, гордо поднимающимся надъ уровнемъ современныхъ низменныхъ идеаловъ буржуазіи. Увеличеніе роли сознанія въ жизни пролетаріата, усложненіе его психологіи, ростъ идеальныхъ моментовъ въ потребностяхъ, — эти явленія должны, несомнѣнно, отразиться и на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя пролетарій внесетъ въ свое соціальное евангеліе, признавъ въ отношеніяхъ производства очень важную, но далеко не единственную движущую пружину человѣческой исторіи. Мы, конечно, не беремся рѣшать въ подробностяхъ, въ какую новую соціологію выльется общественное міровоззрѣніе рабочаго класса, этого наиболѣе энергичнаго носителя со-